

УДК 94(4/9)

ИСТОРИЯ ТАТАРСТАНА В ТРУДАХ РУФА ИГНАТЬЕВА

М.И. Роднов, доктор исторических наук

В историографии Южного Урала XIX в. особое место занимает Руф Гаврилович Игнатъев (1818–1886), яркий историк-краевед, оставивший огромное научное наследие¹. Он происходил из дворян Бронницкого уезда Московской губернии. Отец – Гавриил Кузьмич Игнатъев (1770–1822), выходец из разночинцев, дослужился до VIII чина коллежского асессора и получил потомственное дворянство². Женился Г.К. Игнатъев поздно, на вдове Варваре Сергеевне Навроцкой (урожденной Запольской), имевшей от первого брака двух сыновей. Руф Гаврилович был единственным ребенком в этом супружеском союзе, он рано потерял отца, а в конце 1839 г. скончалась и мать. Трое братьев: штабс-капитан Н.Н. Навроцкий, коллежский асессор С.Н. Навроцкий и писец 1-го разряда Р.Г. Игнатъев унаследовали два имения в Бронницком уезде Московской и Елабужском уезде Вятской губерний, билеты сохранный казны и разное движимое имущество³.

Подмосковное бронницкое имение было помещьем Игнатъевых, а имение при деревне Баженовка (Самодуровка) Староятчинской волости Елабужского уезда Вятской губернии сначала «принадлежало помещику Петру Запольскому и перешло от него родной сестре – Варваре Сергеевой, бывшей в замужестве за Навроцким и Игнатъевым»⁴. Деревня Баженовка (Бажениха) ныне находится в пределах Удмуртии на самой границе с Татарстаном.

Образование Р.Г. Игнатъев получил в Москве в Лазаревском (армянском) институте восточных языков, который

до 1835 г. имел просто статус благородного пансиона⁵. Еще при жизни матери Р.Г. Игнатъев в 1837 г. поступает на службу, но молодой человек с неплохим наследством интересовался историей и музыкой, а не карьерой чиновника. В течение двух лет он учился «в Парижской консерватории, во время директорства знаменитого тогда композитора Галеви, от которого имел диплом»⁶. Р.Г. Игнатъев служит на низших должностях в разных учреждениях Московской губернии, затем в Тверской, пока в 1848 г. он не оказывается на должности почтмейстера в одном из селений Новгородской губернии⁷. И древняя новгородская земля, насыщенная историческими памятниками, вызвала интерес Р.Г. Игнатъева, он с головой погрузился в старину, а изящный литературный стиль, огромное трудолюбие и чутье исследователя быстро привели к появлению результата в виде историко-краеведческих трудов.

Руф Гаврилович становится основным автором «Новгородских губернских ведомостей» и фактическим редактором газеты на протяжении ряда лет. С 16 апреля 1849 г., когда здесь публикуется его очерк «Мшага», и до 30 октября 1854 г., когда в «ведомостях» вышла статья «Бронницы», Р.Г. Игнатъев опубликовал десятки работ: от изданий исторических документов до больших историко-краеведческих статей, статистических описаний городов и селений Новгородской губернии, этнографических и даже художественных очерков, а также материалов первого в истории свода археологических памятников края. Например, в 1850 г. из 52 номе-

ров «Новгородских губернских ведомостей» в 22 выходили преимущественно весьма объемные статьи Р.Г. Игнатьева, почти в каждом втором. Помимо этого, Р.Г. Игнатьев сотрудничал с Императорским археологическим обществом, выпустил две книги по истории Великого Новгорода, в «Отечественных записках» А.А. Краевский готовился издавать его труды⁸, он приобрел известность в научном мире⁹, а в Новгороде вообще был практически единственным серьезным историком. Но в конце 1858 г. судьба Р.Г. Игнатьева трагически изменилась. Арестованный за недостачу казенных денег, он был отдан в рекруты и по этапу отправляется в далекую Уфу, где квартировал 10-й Оренбургский линейный батальон, затем он будет переведен в батальон № 2 того же Оренбургского полка¹⁰, располагавшийся на пограничной линии.

Так на Южном Урале оказался этот самодеятельный историк-краевед. После «демобилизации» в 1858 г. он остается здесь жить, обосновавшись в Зауралье. В ноябре 1862 г. Игнатьев сообщал свой адрес: Оренбургская губерния, станция Тунгатарово, Ильтабановские золотые промыслы генерал-лейтенанта Жемчужникова и К^о¹¹. Большая башкирская деревня Тунгатарово — центр одноименной волости Троицкого уезда (совр. Учалинский район Башкортостана) — находилась в одном из основных районов золотодобычи. Скорее всего, Р.Г. Игнатьев проживал там в летние месяцы, в период «золотого промысла», а зимой, когда работы на приисках прекращались, находился в Верхнеуральске. В работе Р.Г. Игнатьева о Верхнеуральске¹² приведены наблюдения за климатом с 1859 по 1863 г., в том числе сведения о замерзании речек, протекавших через город. Из публикаций Р. Игнатьева также очевидно, что служба в компании Жемчужникова была связана с постоянными разъездами (в Мензелинск на ярмарку, в Уфу, Оренбург и т.д.).

На рубеже 1850–1860-х гг. краевед-историк прилагает огромные усилия,

чтобы вернуться к любимому занятию историей. Он активно изучает местные источники, народный фольклор (в том числе зауральских тептярей), работает в архивах. В обстановке начинавшихся Великих реформ Р.Г. Игнатьев верно уловил актуальную тему — гласность, свобода печати, и в 1860–1861 гг. в столичной прессе выходят его статьи по этому вопросу¹³. Яркие работы Руфа Игнатьева заметили редакторы ведущих газет «Московские ведомости» (В. Корш, М. Щепкин) и «Голос» (А. Краевский), которые пригласили Игнатьева к сотрудничеству в качестве провинциального корреспондента.

И среди первых публикаций Р.Г. Игнатьева после многолетнего перерыва был рассказ (с историческим очерком) о знаменитой Мензелинской ярмарке¹⁴. Одна из крупнейших ярмарок России — Мензелинская — постоянно привлекала внимание журналистов и заметки о ней периодически появлялись в прессе¹⁵. Но Руф Гаврилович в описание современности добавляет экскурсы в прошлое Мензелинска.

С 1865 г. Р.Г. Игнатьев переезжает на жительство в Уфу, где сотрудничает с местным губернским статистическим комитетом и начинает активно публиковаться в «Уфимских губернских ведомостях» (ранее Оренбургские)¹⁶. В 1867 г. он пытался привлечь внимание общественности к необходимости публикации собрания сочинений П.И. Рычкова¹⁷, но встретил критику из Казани от некоего Н.Б. на страницах «Справочного листка города Казани». Руф Гаврилович никогда не был «толстовцем» и непротивление злу не входило в круг его приоритетов. Игнатьев ответил жесткими возражениями, не поленившись издать в университетской типографии Казани восьмистраничную брошюру, не пощадив этого самого Н.Б.¹⁸ Работа была дозволена цензурой 12 июня 1867 г., а по правилам того времени автор должен был лично представлять свой труд на суд уважаемым цензорам. Значит, Р.Г. Игнатьев летом 1867 г. посетил город Казань, был

в университете, оплатил заказ в типографии и, видимо, из своего кармана.

Впрочем, Руф Гаврилович вполне мог заезжать в пределы современного Татарстана и чаще. Дело в том, что из всех своих имений у него осталось только одно, унаследованное от матери, в Вятской губернии, куда проще всего можно было попасть через Елабугу. Старший из сводных братьев, Николай, умер бездетным и, видимо, в браке не состоял. Второй — Сергей Никанорович Навроцкий — жил в Москве, от двух жен у него было пятеро детей: Павел, Варвара (умерла молодой), Софья, Сергей и Михаил. С.Н. Навроцкий скончался к 1874 г., а его вдова Глафира Васильевна вторично вышла замуж за коллежского асессора Стефановского. Эти родственники Р.Г. Игнатьева — Г.В. Стефановская и четверо сводных племянников — являлись совладельцами вятского имения. Более того, Р.Г. Игнатьев до совершеннолетия племянников был опекуном их доли в вятском имении (до 1883 г.), почему это имение и сохранилось, его нельзя было продать до совершеннолетия совладельцев¹⁹. Руф Гаврилович поддерживал контакты с племянниками, переписывался с ними по поводу вятского имения, с общего согласия 19 августа 1884 г. был составлен выкупной акт на имение в Баженовке (156 крестьян, 608 дес. удобной земли)²⁰. А деньги с поместья (по выкупному акту крестьяне обязывались вносить оброк в 1216 руб. в год)²¹ часто для Р.Г. Игнатьева составляли основную часть доходов, так как человек он был, по воспоминаниям, совершенно непрактичным, «без средств».

По всей видимости, Р.Г. Игнатьев несколько раз посещал свое имение. Примерно с 1873 г. в «Вятских губернских ведомостях» выходит ряд его статей с «вятским» материалом, созданных по итогам поездок по южным уездам Вятской губернии²². Но заезжал ли он в Казань? Из Уфы летом удобнее было добираться до Елабуги пароходами, зимой — по гужевому тракту напрямую через Челны. Несмотря на большое чис-

ло публикаций Р.Г. Игнатьева в уфимской и оренбургской прессе, вполне вероятно, казанское сообщество историков и краеведов могло не знать о его существовании. Местные исследователи замыкались в своих административных границах, что, впрочем, не редкость и сейчас. Например, в 1880 г. в Казани не получали ни одного номера «Уфимских губернских ведомостей»²³. Уфимская пресса никого в Казани не интересовала. Известный казанский историк В.Н. Витевский впервые узнал о трудах Р.Г. Игнатьева лишь в 1873 г. и то после подсказки²⁴.

Тем временем в самом конце 1867 г. Уфимский губернский статистический комитет поручил Руфу Гавриловичу исследовать архивы Мензелинска, чтобы узнать о возникновении знаменитой ярмарки. Игнатьев прибыл к открытию ярмарки и результатом его поездки стала большая статья, вышедшая с некоторым опозданием весной 1868 г.²⁵ Автор создал яркое аналитическое описание ярмарки, которое прилагается, а в мензелинских архивах Р.Г. Игнатьев нашел самые ранние документы с 1710 г., но «как началась, почему и при каких условиях развилась мензелинская ярмарка» установить ему не удалось. В эти же годы Руф Гаврилович, видимо, обследовал долину реки Ик. В статье Н.А. Гурвича о возможности судоходства по этой реке указывается, что использованы сведения Игнатьева²⁶. А в археологических статьях Р.Г. Игнатьева приводятся подробные описания «ногайских валов» и других памятников древности Мензелинского уезда²⁷, явно указывающие, что Руф Гаврилович объездил значительную часть современного восточного Татарстана.

В других работах Р.Г. Игнатьева встречаем мензелинский материал о кустарных промыслах²⁸, списки архиереев и митрополитов казанских, управлявших краем²⁹, сведения о монастырях и всех церквях Мензелинского уезда на 1873 г. Например, информация о благочинии 4-го округа Мензелинского уезда начиналась так:

«45) *Соборная* [церковь] *Св. Николая Чудотворца*, в г. Мензелинске, каменная, с приделами Смоленской Божией Матери и Св. Феодосия Тотемского; построена в 1813 году на сбор, сделанный отставным унтер-офицером Матвеем Дмитриевым Ситниковым; он погребен при Соборе. Причта: протоиерей, он же благочинный, 2 священника, 2 дьякона и 6 причетников; жалованья и церковных домов нет; земли пашенной — 59 д. 1085 с.; лугов 114 дес. и леса 15 д. 2088 с., приписаны часовни в дер.: Старой Мазине, большом Игмие и Горах. Прихожане, кроме города, в дер.: Старой Мазине, Большом и Малом Тимиргане, хуторе Аннинском, Большом и Малом Игмие, Сарсас-горках, Ивке, Дыреевке, Верхних Юшадах, Коноваловке, Феновке, Ашпале, Новом Выселке, Канонерском, Болтаевой, Милловке, Гришиной, Полионовке, Камениковой, Доброхотовой, Максимовке и Новой Александровке, всего 1588 дв., 4556 м. 4923 ж. Училище с 1860 г., в 1869 г. было 21 мальч. Собор от г. Уфы в 160 в. В г. Мензелинске строится каменная церковь Св. Троицы с 2 приделами»³⁰. В общем мензелинский материал весьма широко представлен в самых разных статьях Р.Г. Игнатьева. Историки и краеведы Татарстана найдут много любопытного в его трудах.

Кроме того, В.Н. Витевский сообщал о двух визитах Руфа Гавриловича в Казань. Первый раз «в июле 1875 г. Р.Г. [Игнатьев] был в Казани, но мне не удалось в то время увидеться с ним: я был в отпуску»³¹. Второй раз Р.Г. Игнатьев посетил Казань весной 1877 г.

По приглашению бывшего вятского губернатора В.И. Чарькова, назначенного руководить Минской губернией, в мае 1877 г. Руф Гаврилович покидает Уфу³² и, скорее всего, пароходами отправляется до Нижнего Новгорода, откуда по железной дороге можно было доехать до Москвы и Минска. В.Н. Витевский впоследствии вспоминал: «В мае 1877 г. Р. Г. проездом в Минск заезжал на короткое время и в Казань; был у покойного Н.И. Ильминского, у

В.В. Радлова и навестил меня, — это была первая моя встреча с Р. Г. и, как потом оказалось, последняя; после того я уже не встречался с Р. Г., хотя переписка у нас с ним продолжалась до 1880 года. По окончании семейного обеда, к которому я пригласил Р. Г., он сел за фортепиано и сыграл несколько своих музыкальных произведений, а также мотивы башкирских и киргизских песен»³³. Как видим, Игнатьев поддерживал контакты с многими видными деятелями из казанской интеллигенции.

А в конце лета того же 1877 г. в Казани состоялся четвертый археологический съезд, среди депутатов которого числился и «Игнатьев Руф Гаврилович, член археологического общества. От Уфимского и Тобольского губернских статистических комитетов», член-корреспондент общества в Уфе, член Московского археологического общества»³⁴. Но в протоколах нет упоминаний о выступлениях Игнатьева, нет его и среди участвовавших в дискуссии и разместившихся в гостинице. Он получил высокооплачиваемую должность в Минске, стал редактором «Минских губернских ведомостей», где сразу развернул поистине бурную деятельность³⁵. Наверняка, поэтому Р.Г. Игнатьев и не стал участвовать в археологическом съезде, хотя был заявлен.

Кроме того, к этому времени Р.Г. Игнатьев отходит от занятий археологией, по устным свидетельствам современных археологов, видимо, он вступил в конфликт с археологическим «начальством». Возможную причину этой коллизии указывает новгородский историк Е.В. Торопова. После ареста и отдачи Игнатьева в рекруты в «1861 году выходит сводная статья о курганах и городищах Новгородской губернии за подписью члена Новгородского статистического комитета А.И. Кулжинского. Трудно найти современную научную статью, в историографической части которой нет ссылок на этого автора. Сопоставление текстов статей А.И. Кулжинского³⁶ с содержанием работ Р.Г. Игнатьева³⁷ показывает, что

они фактически идентичны, в них совпадает даже пунктуация. Из вышеизложенного следует, что А.И. Кулжинский предоставил в Русское археологическое общество под своим именем статью, содержание которой более чем на 90% совпадает с опубликованными материалами Р.Г. Игнатьева. В настоящее время не обнаружено никаких документов, позволяющих убедительно доказать, что А.И. Кулжинский совместно с Р.Г. Игнатьевым в начале 50-х гг. XIX в. занимался составлением археологической карты Новгородской губернии, что позволило бы объяснить столь значительные заимствования. Вопрос о его возможном соавторстве остается открытым³⁸. А историей и археологией прославленной новгородской земли интересовались тогда многие, в том числе и граф А.С. Уваров.

Можно предположить, что в такой обстановке Р.Г. Игнатьев не стал утруждать себя и представил рукопись «О первых заселениях Русских и о борьбе их с туземцами в Уфимской губернии», о которой вечером 13 августа 1877 г. в Казани на съезде во втором отделении по исторической географии и этнографии доложил Е.Е. Замысловский, профессор Петербургского историко-филологического института. Он дал резко негативную оценку: «Начну с тех двух рукописей, которыми едва ли можно будет воспользоваться»: «Г. Игнатьев в начале своей статьи говорит о том, что он руководствовался «Топографией Оренбургской губернии» и «Оренбургскою историею» Рычкова, выписками из дел архивов бывших Оренбургской губернской и Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий и местными преданиями в Уфимской губернии. Едва ли, однако, автор воспользовался материалами, на которые сам он указывает. Его статья бедна содержанием и не соответствует своему заглавию, так как большая часть ее занята рассказом о бунтах в пределах нынешней Уфимской губернии; источники не указаны, хронологические данные, или сомнительны, или не верны»³⁹.

При казанском археологическом съезде также действовала выставка, среди экспонатов которой значились «образцы Башкирских тканей, собранных Уфимской губернии в уездах: Белебейском, Мензелинском и Бирском. Коллекции собраны исправниками Уфимской губернии», первые 16 были доставлены из Белебеевского, остальные 40 из Бирского уездов. Отмечалось, что «представляемая коллекция Башкирских тканей собрана исправниками Уфимской губернии, по ходатайству члена корреспондента IV-го Археологического съезда Р.Г. Игнатьева». Но полицейские собирали образцы бесплатно и качество коллекции по отзыву современников получилось не очень впечатляющее⁴⁰.

В дальнейшем, вернувшись из Минска на Южный Урал в конце 1879 г., Руф Гаврилович Игнатьев проживал в Уфе и Оренбурге, создал очень много интересных работ по истории и этнографии, среди которых еще возможно есть исследования, связанные с территорией Татарстана. Так, В.Н. Витевский среди трудов Игнатьева упоминал «Описание села Набережных Челнов Мензелинского уезда, сел Нагайбака, Байков и Абдулина Бирского уезда, по поводу вопроса об образовании новых уездных городов»⁴¹. Умер Руф Гаврилович в Уфе 2 января 1886 года. В юбилейном издании Московского археологического общества в 1890 г. приведен некролог и на Р.Г. Игнатьева.

«Покойный не обладал громкими титулами, не щеголял общественным лоском, а еще менее материальными средствами. Вся жизнь Р.Г. протекла в тяжелых трудах, страданиях и лишениях, но резко выделяется он неустанными и безмездными научными трудами, известными нашему Обществу, которого он был одним из старейших членов (с 23 февраля 1865 г.). Р.Г. имел светлый ум, обладал подвижностью мысли и глубокими научными познаниями по истории, этнографии, археологии, археологии и был большой знаток в древней русской письменности, церковного

устава церковной и народной музыки, как вокальной, так и инструментальной (струнной и духовой), будучи отличным певцом и игроком на фортепиано, 1-й скрипке, флейте, кларнете и трубе. Подвизался и на литературном поприще, состоя корреспондентом многих газет, кроме сотрудничества в местных областных и губернских ведомостях, как-то: Уральские, Оренбургские, Уфимские, Тобольские, Минские, а в Оренбургских и Минских был даже редактором неофициальной их части. Исследовать древность, описать факт, дать рецензию или критически обозреть известное событие или явление из мест-

ной жизни для Р.Г. было делом нетрудным, а иногда и моментальным. Кроме того, страстно любя музыку и пение, он часто писал партии и партитуры для хоров и оркестров»⁴². В некрологе указывалось, что «в течении своей жизни Р.Г. Игнатъев написал более 500 статей различного, но преимущественно учебного, содержания», хотя точные масштабы историко-культурного наследия Руфа Гавриловича лишь постепенно становятся известными.

В заключение приводим публикацию статьи Р.Г. Игнатъева «Мензелинская ярмарка», которая воспроизводится в орфографии первоисточника.

Приложение

МЕНЗЕЛИНСКАЯ ЯРМАРКА

(Р.Г. Игнатъев)

Около 15 января ярмарка у нас в Мензелинске окончилась; купечество и бесчисленные посетители ярмарки, — все это разъехалось и разошлось повсюду — и город, столь шумный во все это время, опустел; только еще несломанные покуда, за сильными холодами, временные лавки и балаганы свидетельствуют о бывшей торговой деятельности Мензелинска. После ярмарки Мензелинск, как справедливо замечает «Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год»: «опять погружается в безысходную истому, пока привычка не возьмет свое, и город вступил в свою прежнюю колею» (стр. 69). В самом деле, теперь большая часть домов заперта и наглухо заколочена; самые дома только для того и построены и для того существуют, что для ярмарки, а хозяева только и живут, что с доходов от постоя во время ярмарки, не заботясь даже о порядочном устройстве домов, потому что очень хорошо знают, что каков бы ни был дом, не только в жильцах не будет недостатка, а напротив того, им за квартиру, за какихнибудь 10—15 дней, заплатят, не торгуясь, столько, сколько не дает и не может дать дохода тот же самый дом в те-

чение целого года. В особенности дороги квартиры на ярмарочной или соборной площади, где например трактиры и гостиницы за ярмарочное время платят по несколько сот рублей.

Ярмарка нынешнего года, как замечают, началась ранее нежели прежде; еще с осени прошедшего года многие из купцов озаботились заранее приобрести в Мензелинске места для лавок и балаганов, и здешняя Дума еще с октября начала уже получать просьбы и деньги от иногородних купцов. Ранее прежнего потянулись обозы и съехались торговцы, и хотя в декабре съехалось в Мензелинск не все торгующее здесь иногородное купечество, но однакоже, по численности съехавшихся на ярмарку торговцев, флаг поднят 26 декабря, и ярмарка началась, а ярмарочный Комитет, в это время еще не все раздавший ярмарочные места, имел уже за них в сборе до 14 000 руб. — Эти места после 1 января уже были розданы, и здесь собственно начался самый разгар ярмарки, по большому съезду торговцев и стечению народа. Не только торговая площадь, но и все улицы в городе приняли вполне ярмарочный вид, народ покрыл собою весь город.

Мензелинская ярмарка стоит наряду с значительными ярмарками в России.

Но прежде нежели скажу о ярмарке, сделаю краткий очерк самого г. Мензелинска.

Мензелинск, отстоящий на 271 $\frac{1}{2}$ вер. от губ. гор. Уфы, на Вятском тракте, при р. Мензеле и впадающем в нее ручье *Кучканке*, принадлежит к древним городам, он основан в конце XVI века под именем *острожка*. Это была одна из крепостей для защиты Камской линии, населенная стрельцами, детьми боярскими, пушкарями и Смоленскими дворянами (шляхтою), переведенными сюда после 1-го завоевания Смоленской области в 1655 г. и после совершенного укрепления его к России, по вечному миру с Польшею в 1668 г. Мензелинский острог, потом названный пригородком, принадлежал долго ведению казанских воевод, наместников и потом губернаторов, разоренный не раз в башкирские бунты и в пугачевщину, наконец в 1784 г. причислен к вновь открытому тогда Уфимскому наместничеству и сделан уездным городом. Впрочем, Мензелинск и до этого времени управлялся особыми воеводами, хотя и состоявшими в ведении казанских, и имел свой округ, обратившийся при открытии города в Мензелинский уезд. Потом в 1796 г. Уфимское Наместничество обращено в Оренбургскую губернию; а в 1865 г. г. Мензелинск, по разделении губернии на Оренбургскую и Уфимскую, причислен к Уфимской губернии.

Нынешние коренные жители, — потомки шляхты, обращенной в крестьян и стрельцов, сначала в конце XVII в. названных белопахатными казаками, а потом, в царствование Анны Иоанновны, солдатами. О Мензелинске найдется много интересных исторических сведений, начиная с здешних архивов, где сохранились дела с 1710 г., значит со времен Петра Великого; но за то нет нигде никаких сведений (по крайней мере покуда не оказывается таковых), о начале мензелинской ярмарки, при разборе мною, по поручению Статистического Комитета, здешних архивов. Впослед-

ствии может быть что-нибудь и найдется, а было бы очень интересно знать как началась, почему и при каких условиях развилась мензелинская ярмарка. Из дел архива бывшей мензелинской Городовой Ратуши 1797 г. однако же видно, что ярмарка тогда уже существовала и оборот ее по привозу простирается на 482 487 р. ассигнациями, а сбыту 276 998 р.

Мензелинск занимает пространство 171 дес. 554 саж. и расположен на ровном и частью на возвышенном и обрывистом месте; ручей Кучканка, протекая по глубокому рву, разделяет город на две неровные части; лежащая за ручьем, меньшая и беднейшая часть города, составляя как бы предместье города, называется *«слободою Кучканкой»*. Г. Мензелинск разделяется по плану 1838 г. на 73 квартала, здесь проходят 12 улиц с проулками; некоторые из них имеют названия, другие не имеют никаких. В слободе Кучканке 3 улицы с 2 проулками. Кроме улиц, здесь еще 6 площадей, из которых 3 — за городом, как-то: *мытная, лесная и дровяная*. Зданий в г. Мензелинске считается: богослужебных: Николаевский собор, женский монастырь с церковью Тихвинской Божией матери, церковь св. Или Пророка на бывшем кладбище, теперь уже вошедшем в черту города, да еще вновь здесь строится каменная церковь св. Троицы. Каменных домов казенных и общественных: больница, каменная красивой постройки, и присутственные места; церковных и монастырских 3, частных 5; деревянных: казенных 5, монастырских 1, общественных 2, частных 900, лавок на торговой или соборной площади и в разных местах, деревянных общественных, 38. Жителей в Мензелинске официально теперь считается обою пола и всех сословий до 5080 ч., а по однодневному пересчислению, произведенному в 1865 г. Уфимским Статистическим Комитетом, — 4977 ч. о. п.

Торговля в Мензелинске, кроме ярмарки, самая незначительная; значительных капиталистов среди здешнего купечества нет; жители большею ча-

стию бедны и из низшего класса весьма немногие занимаются всякого рода промышленностью, хлебопашеством или ремеслами; ремесленники, проживающие здесь наиболее иногородные. Впрочем, здесь есть винокуренный завод Г. Янушкевича, могущий выкурить в год до 20 000 ведер полугара, 3 кожевенных завода, 10 кирпичных, 1 свечной и 1 паточный. Оборот всех их простирается на 8000 р.; произведения их, кроме кож, расходятся по городу, а кожи идут и в окрестности города, но более распродают на базаре, который бывает здесь по вторникам.

Г. Мензелинск имеет за собою достаточное число земли и леса именно:

Пашни	— 7040 д.	— 2012 саж.
Сенокоса	— 9765	— 1115
Леса	— 15 256	— 275
Степи	— 51	— 1300
Солончаков	— 8	— 1136
Неудобной	— 64 739	— 1946

Земли здесь хороши и плодородны, но и они наиболее в кортومه у сторонних лиц, точно также и рыболовство в принадлежащих городу озерах, образовавшихся от весеннего разлива р. Камы, Мензелы и Ика. Эти реки весною взаимно соединяются у самого Мензелинска и этим разливом здесь недавно только стали пользоваться для сплава леса из окрестностей Мензелинска. Вокруг Мензелинска все благоприятствует труду, но Мензелинск, за весьма немногими исключениями, живет в надежде на ярмарку, от одной до другой. В самом деле, одна Городская Дума получает доходу с ярмарки более 15 000 р., а какие громадные цифры в общей сложности остаются за это время в руках домохозяев и проч.... Нетрудно понять, что мензелинские жители в какие нибудь 2 недели стараются — как бы обеспечить себя за целый год, впредь до новой ярмарки, хотя бы после и приходилось отдавать за бесценнок земли и лес на сруб... Учебные заведения в Мензелинске: уездное и приходское училища и женское училище 2 класса.

Ярмарка главным образом помещается на соборной или базарной пло-

щади — она же и гостиннодворская, в обыкновенное, не ярмарочное, время. Здесь для ярмарки устраиваются временные деревянные лавки, лубяные балаганы, пристрои, навесы и конюязи для приводимых лошадей. Ярмарочные помещения устраиваются по подрядам, заключаемым в Городской Думе; лес и проч. после ярмарки, по сломке временных лавок, сдается подрядчиками ярмарочному Комитету в пользу города. В настоящую ярмарку подрядчиком, здешним мешанином Мельниковым, устроено было 582 лавки, балаганов и навесов и сверх того конюязей на пространстве 400 саж. Лавок было: в красной гуртовой линии 25, кожевенной, железной, сундучной и щетной линиях 30, в мелочной 50, в железной и сундучной мелочной линиях 30, красного товара в мелочной линии 110, разной мелочной торговли или мелочной линии 55, в мучном ряду 30, фарфоровой и медной посуды 35, шляпной и картузной 32, навесов 185. Кроме того, вне площади близ Думы и ярмарочного Комитета было 16 балаганов, где производилась торговля мелочным галантерейным товаром, продажа икон и картин всякого рода; в мелочной линии 9 балаганов было занято книжной торговлею. Лавки-балаганы отдавались, смотря по величине, за 4, 6, 7, 15, 25, 30, 37 и 45 р. — В доход города поступило 15 289 р. 15 к., несмотря на то, что некоторые лавки и проч. остались нерозданными.

Но одной площади недостаточно для ярмарки: экипажи, скот и лошади, торговля с возов и мелочная всякого рода с рогож, разместились по всем улицам. Улицы буквально запружены народом так, что в это время не только проезд, но и проход по улицам бывает затруднителен. Стечение народа — громадное, так, например, каждый день прибывают сюда окрестные жители для продажи с возов сельских произведений и для разных покупок; трудно и невозможно определить, сколько перебивает каждый день на ярмарке и сколько таким образом в продолжении целой

ярмарки. Полиция только знает о тех, которые сняли лавки, заняли квартиры и прописали паспорта.

Несмотря на громадное стечение народа, в ярмарку настоящего года, благодаря бдительности здешней полиции, не было никаких особенных случаев не только преступлений, но и нарушения общественного порядка. Ярмарочная площадь оказывается тесною от построек и стечения народа, представляя явную опасность от пожара, хотя, благодаря Бога, во время ярмарки пожаров не случилось, и мензелинские жители говорят: наш город Богом храним; но в случае пожара — тут все погребло: миллионы и люди; от стеснения на улицах самой пожарной команде нет возможности подать скорую помощь. Купцы откровенно говорят, что они, постоянно опасаясь пожара, менее привозят товара, нежели бы могли его привезти, между тем как Мензелинская ярмарка могла бы вполне служить перепутьем к Ирбитской. — Но теперь купечество всегда отправляет два товарных транспорта: один в Мензелинск, а другой в Ирбит; оставшийся товар от Мензелинской ярмарки идет в Бирск, Уфу, Стерлитамак, Златоуст и проч. Губернское начальство, обратив внимание на тесноту помещения Мензелинской ярмарки и могущую быть опасность от пожара, отвело теперь место для ярмарки за городом, обширное и совершенно безопасное для города, в случае пожара, и, как говорят, торгующее здесь купечество скоро намерено начать постройку постоянных, даже каменных, лавок, по примеру того, как это существует в Нижнем Новгороде.

Деятели Мензелинской ярмарки — иногородние купцы, наиболее казанские и елабужские, но кроме того — Москва, Петербург и всякий почти великороссийский город имеет здесь своих представителей, и все те, которые торгуют на Мензелинской ярмарке, точно также торгуют потом на Ирбитской. Среди иногороднего купечества теперь слышится мнение о необходимости переноса ярмарки из Мензелин-

ска за 54 вер. в с. Набережные Челны, на р. Каме, где теперь существует самая значительная хлебная пристань; в особенности же это желание высказывают елабужские купцы, а они-то самые главные торговцы на Мензелинской ярмарке, сам город Елабуга всего только от Набережных Челнов в 19 ³/₄ в., летом по большому тракту, и 15 в. зимним путем, а Мензелинская ярмарка бывает зимою. Главные хлеботорговцы, сплавляющие хлеб с Челнинской пристани — те же елабужские купцы и казанские; то купечество желает, чтобы или Набережные, или находящееся от них в ¹/₂ версте село Мысовые Челны, были сделаны городом. Тогда, говорят они, мы все капиталисты сейчас же переходим в Челны Набережные или Мысовые, — это решительно все равно, и через 10—20 лет, особенно если перенести сюда и мензелинскую ярмарку, это будет один из богатых торговых городов, — другой Рыбинск или Самара.

Таково мнение елабужских купцов, в особенности главных из них по хлебо-торговле и гуртовой торговле на Мензелинской ярмарке, каковы: Ушковы, Стахеевы и проч. Здесь я передаю подлинные их слова, слышанные мною от них самих, в бытность мою недавно в г. Елабуге.

С. Челны через пристань и пароходство имеет сношение с Петербургом, Нижним Новгородом, Рыбинском, Пермью и Астраханью; а через Астрахань и с Каспийским портом. Оба селения Челны находятся под самыми выгодными условиями — дешевизны камня, цоколя и строевого леса; ярмарка, если помещение ее делать таким же временным, как в Мензелинске, может быть устроена на самой Каме⁴², так как эта ярмарка зимняя; кроме того в Мысовых и Набережных Челнах много места и для постоянных построек; затем переход из Челнов в Ирбит не представляет никакого затруднения, и купечество беспрепятственно может если бы ярмарка была в Мысовых или Набережных Челнах, отправлять уже не два, а один транспорт для здешней и Ирбит-

ской ярмарки. Мимо Челнов проходит тот же тракт от г. Уфы в Вятку, который идет мимо г. Мензелинска; от Уфы до Челнов есть пароходное сообщение.

В самом деле все, что высказывается иногородним купечеством о пользе обращения в город сел Челнов и переносе сюда ярмарки, — слишком важный вопрос, с которым сопряжена польза развития торговли. Вопрос этот достоин тщательного обсуждения. Слыша все эти мнения, я не мог по важности предмета не высказать их здесь, на страницах Уфимских Ведомостей; затем, сделав это невольное отступление, возвращаюсь к описанию Мензелинской ярмарки и оборотов ее в настоящем году.

Главные предметы торговли в здешней ярмарке: бумажные товары, распродаваемые гуртом и по мелочи, по официальным сведениям, с лишком на 1 500 000 р., потом шерстяные изделия, игольный товар, ленты, тесьма, запонки, шкуры, чай, сахар, бакалейный товар, шелковые материи, аптекарский и мускательный товар, прядельная бумага, стальные изделия, мед, воск, рыба, наиболее уральская и сибирская, и наконец — кубовая краска или индиго, в особенности раскупаемая не только на этой, но и на других ярмарках Мензелинского уезда, как-то: 9 мая на Никольской ярмарке в с. Набережных Челнах и прочих, потому что в Мензелинском уезде и в Вятской губернии около р. Камы находятся чуть ли не це-

лые селения красильщиков холста и эти красильщики, особенно весною, ездят по соседним уездам для крашения холста. Торговля индиго большею частию гуртовая и занимает на Мензелинской ярмарке две большие линии лавок. Индиго и москательные товары наиболее идут сюда, в Мензелинск, с химических заводов Елабужских купцов Ушкова и Малютина. В настоящую ярмарку, впрочем, значительными торговцами по этой части были бугульминские купцы Сафронов и Михалев. Чай, сахар и бакалея доставляются наиболее из Кунгура, Перми, Тюмени, Казани, Москвы и Нижнего Новгорода, а так называемый красный товар, как-то: ситцы, материи и проч., равно сукна, исключительно идут из замосковских губерний. Стальные изделия — из Тулы и известной Павловской фабрики; щепной товар, занимающий 2 линии лавок, и мебель исключительно привозятся из Вятской губернии. Впрочем об оборотах на нынешней Мензелинской ярмарке, по привозу и сбыту, и на сколько осталось разного товара непроданным, прилагаю здесь ведомость, составленную из официальных сведений ярмарочного Комитета, из которых видно, что привезено было товаров на 3 999 946 р., продано на 3 020 282 р., осталось непроданным на 979 664 р., и что съезд на ярмарку разного звания лиц простирался до 9669 чел., т. е. таких, о которых полиции могло быть известно.

Ведомость

О товарах, бывших в привозе и продаже на Мензелинской ярмарке в 1867 / 68 г., и о приезде на ярмарку⁴²

Название товаров	На какую сумму привезено товаров	На какую сумму продано	На какую сумму осталось не проданным
Кубовой краски	100 000	90 000	10 000
Разных аптекарских мускательных товаров	94 300	48 500	45 800
Галантерейных товаров	40 000	30 000	10 000
Игольного товара, лент, тесьмы, запонок, шкуры и проч. товара	200 000	185 000	15 000
Церковных и медных изделий	25 800	22 200	3600
Шорных и сыромятных изделий	18 740	12 300	6440

ИСТОРИЯ

Название товаров	На какую сумму привезено товаров	На какую сумму продано	На какую сумму осталось не проданным
Шляпных и кошомных товаров	4700	2845	1855
Икон и прочего Вязниковского товара	2574	1523	1051
Книг разного содержания (пропущенных цензурою)	1232	821	411
Фруктовых и бакалейных товаров	97 754	62 523	35 231
Чая	675 231	362 121	313 110
Сахара	342 372	231 141	111 231
Итого	1 602 703	1 048 974	553 729
<i>Разных фабричных изделий</i>			
Сукон панских	54 645	33 232	21 413
Сукон верблюжьих	14 800	12 740	2060
Разных шерстяных изделий	96 742	63 420	33 322
Бумажных товаров гуртовых мелочных	1 285 749 171 972	1 162 514 135 200	123 235 40 452
Позументов и других золотых, серебрянных и аппликовых вещей в татарском вкусе	18 454	12 302	6152
Полотнянного товара	10 642	6420	4222
Шёлка в сырце	1900	1300	600
Бумаги прядильной	99 874	74 720	25 254
Итого	1 945 408	1 648 288	297 120
<i>Мехов разного рода: выделанных</i>			
Беличьих	8000	7000	1000
Сурковых	4500	2500	2000
Лисьих	16 000	13 000	3000
Норковых	2800	1200	1600
Заячьих	1500	800	700
Мерлушковых	2900	1500	1400
Собольих, бобровых, енотовых и прочих	30 000	15 000	15 000
Шуб овчинных	5800	2800	3000
Итого	71 500	43 800	27 700
Сырых кож и овчин.			
Куниц	2900	1900	1000
Лисицы	3950	2720	1230
Зайца	10 795	10 000	795
Волчьих, медвежьих и мелкого зверя	3900	2000	1900
Овчин и козловых	35 000	24 000	11 000
Конских и яловых кож	60 000	50 000	10 000
Кожевенных изделий	6500	4000	2500
Сафьяновых изделий	15 000	12 000	3000
Шапочного и картузного товара	9940	7500	2440
Итого	147 985	114 120	33 865
<i>Заводских изделий</i>			
Медных	1500	1000	500
Стальных тульских и павловских	14 200	10 200	4000

Название товаров	На какую сумму привезено товаров	На какую сумму продано	На какую сумму осталось не проданным
Железных	11 000	9000	2000
Чугунных	5200	3200	2000
Сундуков, подносов и прочего	2300	1300	1000
Фарфора и хрусталя	49 000	29 000	20 000
Книг татарских	400	250	150
Шерсти верблюжьей	2600	1600	1000
Ковров войлоков и армячины	1900	1000	900
Простого табаку	9700	7000	2700
Мыла и свеч	5500	3500	2000
Мёду и воску	29 600	25 000	4600
Сала	1500	900	600
Масла коровьего	5900	4900	1000
Рыбы разных сортов	30 000	20 000	10 000
Льна и конопли	4800	3000	1800
Разной мебели	2250	1250	1000
Крестьянского изделия, дровней, кулей и прочего	5600	5000	600
Хлеба разного рода	10 000	9000	1000
Крупчатой муки	9900	7000	2900
Лошадей	20 000	15 000	5000
Экипажей	9500	7000	2500
Итого	232 350	165 100	67 250
Всего	3 999 946	3 020 282	979 664

Съезд на Мензелинскую ярмарку лиц разного звания торгующих и неторгующих:

Дворян — 42

Купцов 1 гильдии — 20

2 гильдии — 315

Торгующих по свидетельствам — 500

Иностранцев — 5

Купеческих приказчиков — 250

Другого звания лиц — 8537

Итого — 9669

Но, до какой степени вообще верны цифры всех ярмарок — ручаться нельзя, потому что торговля дело частное, которое ни частный человек, ни официальная власть не могут контролировать, и потому должно полагаться на слова торговцев. Но торговцам, как они и сами говорят, одному нужно по своим домашним соображениям сказать более о своих оборотах, другому — менее, так что лишь весьма немногие из торговцев дают полиции точную, откровенную цифру. Пишущий это, т.е. я сам,

убедился наконец уже в этом на опыте, три года стараясь ознакомиться с торговлею нашей губернии, и поэтому полагаю, что обороты Мензелинской ярмарки и по привозу, и по сбыту в действительности значительно больше того, чем они являются в официальных цифрах. Официальные цифры верны в одном — какого товара более и какого менее привозится и сбывается.

В нынешнюю ярмарку лавки расположены были на торговой площади в следующем порядке: около собора в два ряда — шепная линия и фарфоровая, потом отсюда линия: шапочная, гуртовая, шорная и сапожная, шапочная мелочная, стальная, игольная, чайная, вязниковские — гуртовая и мелочная, шубная и мелочная, в том числе продажа табаку, и наиболее простого, который сюда привозится из Симбирской и Саратовской губерний, особенно же из немецких колоний последней. Во 2-й линии были здешние по-

стоянные лавки или гостинный двор, а затем — временно устроенные линии: шапочная и шляпная, мелочная, тульских и медных вещей, москательная, пушная гуртовая, бакалейная, красного товара и сукон гуртовая и мелочная линии и бухарские; торговцы здесь исключительно казанские татары; здесь продаются халаты, материи, чай и сахар и частью бакалеи. На площади в домах было до 10 трактиров и гостиниц даже и с нумерами для приезжающих; лучшими могли назваться известного в Уфе содержателя гостиницы, купца Сахарова, и потом купца Вдовина. Цены и в лучших, и в самых посредственных гостиницах были на все двойные, хоть бы в той же гостинице Сахарова в сравнении с уфимскими ценами на те же самые предметы; но содержатели гостиниц говорят, что им иначе и нельзя здесь торговать, начиная с того, что они заплатили по несколько сот рублей за одну квартиру, кроме издержек приезда и проч.; надо же на чем-нибудь выручить — и выручали... В двух гостиницах были музыка, играли евреи на цимбалах с аккомпанементом скрипок, кларнета и виолончели; впрочем играли не одни евреи, были между ними и русские, преимущественно мальчишки. Эти импровизированные оркестры конкурировали между собой, начиная с переманки артистов, и дело доходило в этом случае между антрепренерами оркестров до полицейского разбирательства... Между гостиницами была одна — бухарская — в мусульманском вкусе, без продажи вина; здесь только был чай и приготавливалось кушанье в татарском вкусе; была и своя музыка, и свои песни, и татарские заунывные мелодии раздавались до узаконенного часа закрытия гостиниц. На ярмарке не было комедиантов, но был один артист-спекулянт, устроивший балаган для стрельбы в цель; за вход платилось по 10 коп., а за выстрел из пистолета или духового ружья — по 60 к.; артист предлагал пари от 1 до 10 руб., цель назначалась самая микроскопическая, а оружие должно было быть его же, а от-

нюдь не самого посетителя... Охотников до прицельной стрельбы и до пари нашлось мало, а артист-спекулянт остался в накладе.

Мензелинская ярмарка по посетителям своим носит характер азиатский: здесь наиболее на всяком шагу, на улице и в домах встречаем татар и башкир, ими наполнены тесно дома, по несколько человек в маленькой комнате. Они большею частью приезжают сюда возчиками товаров, для мелочного торгова и продажи, или просто так, из любопытства, посмотреть ярмарку. Мы конечно это говорим не о татарах купцах, из которых немало капиталистов и оптовых торговцев, не говорим этого и о бывающих здесь бухарцах и иногда персиянах. Татары бедного класса здесь являются в высшей степени экономными; зная хорошо, что по дороговизне квартир здесь во время ярмарки за всякий уголок в доме надо, смотря по времени, платить десятки рублей, так что во время ярмарки хозяин отказывает и годовому жильцу, или тот должен платить особо за время ярмарки, а за то, чтобы поставить на сутки лошадь на дворе с санями, надо отдать 2 и 3 целковых, татары собираются артелями и располагаются по несколько человек в одной комнатке, следуя вполне русской пословице — «в тесноте люди живут, и теснота не обидает». — Духота, шум, гам, вечный чад и угар от десятка самоваров... Но цель достигнута, каждый татарин-постоялец, благодаря складчине, дешево отделался каким-нибудь полтинником — и ярмарку видел... Кроме татар и башкир, на ярмарке увидите всех инородцев Уфимской и Вятской губерний; здесь просто смесь племен и наречий.

Большая часть сельских и вообще окрестных жителей, даже из Елабужского, Сарапульского и Бугульминского уездов, являются сюда за покупкою лошадей и в прежние годы этим начиналась ярмарка, но тогда, особенно лет десять и более того, торг лошадьми был значительнее, лошади были нужны для хозяев барок и судов, для коноводных

машин и бечевой; но явилось буксирное пароходство — и коноводные машины, и бечева, и бурлачество на камских пристанях обратились в предания, и поэтому вообще продажа лошадей значительно уменьшилась на ярмарках. Не далее как в 1858 году, по официальным сведениям, продано лошадей на 110 000, а в нынешнюю Мензелинскую ярмарку только на 15 000 р.

Но во всем прочем Мензелинская ярмарка возрастает и будет возрастать, особенно если бы устранились препятствия, о которых заявляют торговцы, и к чему стремится губернское начальство, назначением нового и самого удобного помещения для ярмарки. Нельзя при этом еще раз не вспомнить о выгоде переноса ярмарки в с. Челны и устройстве там города, так много обещающего в бу-

душем для процветания торговли нашей Уфимской губернии. Может быть когда-нибудь это все и осуществится на самом деле; голос народа мимо нейдет, потому что это Божий голос.

Многие из торговцев находят полезным, чтобы и самый срок продолжения ярмарки был долее, нежели он теперь, — пусть Мензелинская ярмарка, по их словам, продолжается целый месяц.

Вот и все, что могу сказать о Мензелинской ярмарке редакции Уфимских ведомостей; но я не оставлю впоследствии еще поговорить об этой ярмарке, по мере того как соберу о ней более положительные и точные факты.

20 января 1868 года⁴².

(Уфимские губернские ведомости. 1868. 9, 16 марта)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хусаинова Г.Т. Игнатъев Руф Гаврилович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 3. 3—К. Уфа, 2007. С. 127; Зобов Ю.С. Игнатъев Руф Гаврилович // Историки Урала XVIII—XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 140—141; Боже В.С., Виноградов Н.Б. Игнатъев Руф Гаврилович // Челябинская область: энциклопедия. — Челябинск, 2004. — С. 547; и мн. др.

² Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. I. Дворянство жалованное и выслуженное. А—И / под ред. Л.М. Савелова. — М., 1914. — С. 659.

³ РГИА. Ф. 577. Оп. 9. Д. 13. Л. 25 и об., 26, 28 и об.

⁴ Там же. Л. 3 об., 5 об., 33.

⁵ Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. — М., 1863. — С. 31, и др.

⁶ Историческая записка о деятельности императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. Приложения. С. 303; композитор Ф.Ж. Галеви (1799—1862, среди учеников Ш. Гуано, Ж. Бизе, К. Сен-Санс), о нем см., например: <http://www.musicologie.org/Biographies/h/halevy.html>; http://www.appl-lachaise.net/appl/article.php?id_article=2047.

⁷ См.: Зобов Ю. Знаток древностей Башкирии // Сохраним выцветшие строки... Уфа, 1988. — С. 125—127.

⁸ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 1—2.

⁹ Активность Р.Г. Игнатъева была замечена столичной прессой и его труды включались в указатели того времени, см. напр.: Геннади Г. Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в Губернских Ведомостях 1851 года // Вестник императорского русского географического общества / под ред. В.А. Милютина. 1852. Ч. 5, кн. 1. СПб., 1852. IV. Библиография. — С. 29—30.

¹⁰ См.: Зобов Ю.С. Игнатъев Руф Гаврилович. — С. 140—141.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 4 об.

¹² См.: Игнатъев Р. Г. Верхнеуральск. Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. — Уфа, б. г. Отдел первый.

¹³ См.: Бурмистрова Л.П. «Губернские ведомости» как исторический источник эпохи падения крепостного права. (На материале Поволжья и Урала). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1968; Она же. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840—1850 гг.). — Казань, 1985.

- ¹⁴ Московские ведомости. 1861. 23 ноября.
- ¹⁵ См., напр.: *М. К-шев*. Мензелинская ярмарка в 1859 году // Русский дневник (Санкт-Петербург). 1859. 11 марта.
- ¹⁶ См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. — Уфа, 2009 (полный текст книги на сайте «Роднов и его друзья»).
- ¹⁷ См.: Оренбургские губернские ведомости. 1867. 18 февраля; Уфимские губернские ведомости. 1867. 29 апреля.
- ¹⁸ *Игнатъев Руф.* Ответ господину Н. Б. о писателе Рычкове. [Казань, 1867]. С. 1–8. Автор благодарит казанского историка А.И. Ногманова, предоставившего текст этой работы, в РНБ, например, она утеряна.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 577. Оп. 9. Д. 13. Л. 29 об., 32, 40 об. и др.
- ²⁰ Там же. Л. 10, 13 об., 47 об.
- ²¹ Там же. Л. 47 об.
- ²² «Р.Г. Игнатъев в 1873 г. путешествовал по Елабужскому и Сарапульскому уездам для сбора статистических сведений, привез оттуда много материалов и часто печатался в “Губернских ведомостях”» (*Чудова Г.Ф.* В те далекие годы. — Киров, 1981. — С. 78–79).
- ²³ Казанский биржевой листок. 1881. 22 февраля.
- ²⁴ *Витевский В.* Вместо предисловия // *Игнатъев Р.* Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XI, вып. 2. — Казань, 1893. — С. 147.
- ²⁵ Уфимские губернские ведомости. 1868. 9, 16 марта.
- ²⁶ Там же. 12 октября.
- ²⁷ См., напр.: *Игнатъев Р.* Ногайские валы в Уфимской губернии // Древности. Труды Московского Археологического общества / под ред. К. Гёрца. Т. II, вып. I–III. М., 1870. Материалы для археологического словаря. — С. 41–44.
- ²⁸ См.: *Игнатъев Р.Г., Гурвич Н.А.* Мелкие производства и ручной труд (В оглавлении: Мелкие производства и ручной труд. Добыча железа и рудничный промысел, *Гурвича и Игнатъева*) // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Часть I-я. — Уфа, 1873. — С. 143–150.
- ²⁹ См.: *Р.И. II.* Хронологический перечень. Лиц, стоявших во главе управления, духовного и гражданского, Оренбургским краем и Уфимской губернией, от построения г. Уфы, 1574 г., до настоящего времени (В оглавлении: Хронологический перечень лиц, состоявших в главе Управления Оренбургским краем до настоящего времени, его же, то есть Р.Г. Игнатъева) // Там же. Ч. II. — Уфа, 1873. — С. 19–27.
- ³⁰ См.: Сведения о церквях Уфимской губернии (в оглавлении: Сведения о церквях и приходах Уфим. губ. (из сведения Духовн. Консistorии)) / Составлены *Р. Игнатъевым* // Там же. — С. 32–60.
- ³¹ *Витевский В.* Указ. соч. — С. 149.
- ³² *Роднов М.И.* Указ. соч. — С. 20–23.
- ³³ *Витевский В.* Указ. соч. — С. 150.
- ³⁴ Известия о занятиях четвертого археологического съезда в Казани. Казань, 1877. С. 6, 10; Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Том первый. — Казань, 1884. С. XVII. Р.Г. Игнатъев участвовал в работе еще первого археологического съезда в 1869 г.
- ³⁵ См.: *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 23–27; *Бондарчик В.К.* Основные этапы и тенденции в развитии дореволюционной белорусской этнографии. — М., 1964; др.
- ³⁶ См. также: *Кулжинский А.И.* Известия о курганах и городищах. VII. Курганы Новгородской губернии. [СПб.], 1860. А.И. Кулжинский являлся редактором «Новгородских губернских ведомостей» в марте — октябре 1853 г. и за подписью «Ред.» в № 34 от 22 августа вышли «Курганы Новгородской губернии. Статья 3».
- ³⁷ Курганы Новгородской губернии. Белозерский уезд. Статья 1 / составлено Р.Г. Игнатъевым // Новгородские губернские ведомости. 1853. 14, 21 марта. Опубликованные в конце 1853 г. в этой же газете анонимные «Курганы Новгородской губернии. Статья 4» (также как следующие статьи 5 и 6) в указателе Г.Н. Геннади отмечены под авторством Р. Игнатъева (*Геннади Г.Н.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1854 года // Вестник императорского русского географического общества. 1855. Ч. 14. [Кн. 3]. —СПб., 1855. — С. 19).

³⁸ *Торопова Е.В.* Памятники археологии Новгородской области: история изучения (XVIII – начало XX в.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 11. См. также: *Торопова Е.В.* Из истории археологического изучения Новгородской земли (Руф Гаврилович Игнатъев, 1819–1886) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции (Новгород, 26–28 января 1999 г.). – Новгород, 1999. Вып. 13. С. 337–342; *Она же.* Большой знаток новгородских древностей // Чело. 1999. № 2. С. 75–77.

³⁹ Известия о занятиях четвертого археологического съезда в Казани. С. 150–151; см. также: Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани, с 31 июля по 18 августа 1877 года. Том второй. Казань, 1891. Указатель личных и географических имен, встречающихся в I и II томах трудов IV археологического съезда. – С. 15.

⁴⁰ Указатель выставки при четвертом археологическом съезде. Казань, 1877. С. 83–84. Возможно, эта коллекция осталась в Казани: «Образцы тканей башкирского вкуса и изделия, собранные в различных селениях Белебеевского уезда Уфимской губернии» (Каталог выставки 1882 года Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – Казань, 1882. – С. 49).

⁴¹ *Витевский В.* Указ. соч. – С. 158.

⁴² Историческая записка о деятельности императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования. – С. 303.

Аннотация

Историк-краевед Р.Г. Игнатъев (1818–1886), начавший свою научную карьеру в Великом Новгороде, основные труды создал по истории Южного Урала, в Уфе и Оренбурге. Но во многих статьях он затрагивал историю Мензелинского уезда Уфимской губернии, сейчас территория Республики Татарстан. Он собрал уникальную информацию по экономике, археологии, историческому наследию Прикамья. Несколько раз Р.Г. Игнатъев посещал и Казань, где встречался с ведущими исследователями того времени – В.Н. Витевским, Н.И. Ильминским и др.

Ключевые слова: история, археология, экономика, этнология, Южный Урал, Татарстан, Великий Новгород, Прикамье.

Summary

Historian Ignatiev R.G. (1818–1886) began his scientific career in Veliky Novgorod and created his main works about the history of the Southern Urals, Ufa and Orenburg. However, in many articles he touched upon the history of Menzelinsk county of Ufa Province and now the Republic of Tatarstan. He collected the unique information about economics, archeology and historic heritage of the Kama area. Ignatiev R.G. visited Kazan a few times where he met the leading investigators of that time – Vitevsky V.N., Ilminsky N.I. and others.

Keywords: history, archeology, economics, ethnology, South Ural, Tatarstan, Veliky Novgorod, Pre Kama.